

Екатерина В. Рахилина
Аимгуль К. Казкенова

Москва, Россия
Алматы, Казахстан

ВЫРАЖЕНИЕ ИТЕРАТИВНОСТИ В РУССКИХ ТЕКСТАХ КАЗАХСКИХ БИЛИНГВОВ¹

1. Вводные замечания

Итеративность, представляющая собой особый тип глагольной множественности, имеет весьма широкий спектр способов выражения в разных языках мира, см. (Храковский 1989а; Шлуинский 2005). Предпринимаемое нами описание итеративности, отражающее некоторые аспекты этой категории, отличается тем, что оно строится на наблюдениях за речью «нестандартных говорящих» – в нашем случае казахско-русских билингов, чьи тексты включены в Русский учебный корпус (RLC). Авторы текстов, послуживших источником анализируемого материала, изучали русский язык в школах и, будучи студентами, продолжают изучать его в вузах. Они учатся в городе Алматы, «лингвистический облик» которого определяют два языка – казахский и русский. Однако доминантным языком этих авторов RLC со всей очевидностью является казахский язык.

Речь людей, владеющих типологически разными языками, безусловно, заслуживает специального исследования. В ней могут быть обнаружены весьма нетривиальные стратегии и неожиданные контаминации. Однако, помимо этого, обращение к такому «нестандартному» речевому материалу позволяет лучше понять устройство системы языка-цели (в данном случае – русского языка). В частности, непреднамеренные нарушения, допускаемые билингвами, четко очерчивают границы допустимых колебаний на неустойчивых участках русского языка. Именно с этих позиций мы предполагаем рассмотреть здесь выражение итеративности в русской речи казахов-билингвов (см. также нашу статью (Рахилина, Казкенова 2018) с исследованием категории именного числа в той же перспективе).

Статья состоит из 6 разделов. В первом и втором разделах рассматриваются основные особенности выражения итеративности, соответственно, в русском и казахском языках. Выражение итеративности в речи казахско-русских билингвов описано в третьем и четвертом разделах на примере двух случаев. Третий раздел посвящен анализу комплексного выражения данного значения с помощью обстоятельственных показателей типа *всегда, иногда, часто, редко* и глагольных видо-временных форм соответствующей семантики. В четвертом мы рассмотрим кратко-соотносительные конструкции, то есть предложения, осложненные деепричастными оборотами, и сложноподчиненные предложения с придаточными времени. В пятом разделе предлагаются гипотезы, объясняющие причины обнаруженных в билингвальных текстах отклонений от норм стандартного русского языка. В Заключении обобщаются сделанные наблюдения.

Фрагменты текстов билингвов сверялись с данными Национального корпуса русского языка, который в контексте нашего исследования представляется как некоторый «эталон» стандартного русского языка. Эпизодически привлекаются и данные Алматинского корпуса казахского языка.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-02071 "Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах").

2. Русский язык: комбинации обстоятельственного показателя и глагола в итеративных контекстах

В русском языке повторяющееся действие, как правило, выражается комплексно – при помощи обстоятельственного показателя итеративности и глагола НСВ, ср.:

- (1) Для «современных» чёрных дыр **часто используют** термин «коллапсирующие», или «застывшие», объекты. [А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр // Вестник РАН, 2004]

Как отмечает В. С. Храковский, «хотя форма НСВ безусловно необходима для выражения в предложении итеративного значения, обычно она недостаточна, и поэтому одновременно с нею используются и другие показатели итеративности, роль которых нельзя недооценивать» (Храковский 1987: 146).

Кроме первого, типичного, способа, предполагающего дублирование маркеров итеративности, в русском языке итеративность может выражаться либо только обстоятельством (2), либо только глагольной формой (3):

- (2) Вас **редко** увидишь на презентациях и светских раутах. [Александр Федоров. Лошадник (2002) // «Автопилот», 2002.02.15]
- (3) Утром **предлагают** сытные и вкусные завтраки – омлет, круассаны, блины с джемом, сэндвичи. [Галина Губанкова. Кафе «Жан-Жак»: история успеха // Coach, 2008]

Однократное выражение итеративности, как в примерах типа (2–3), уступает комплексному способу по степени распространенности в русском языке, и их можно считать особого рода проявлениями «грамматической синекдохи» (Шелякин 2001: 36), когда, соответственно, глагол СВ – это единичный квант повторяющегося действия, а наречие типа *утром* в итеративном контексте тождественно *по утрам*. В результате «итеративное обстоятельство, обозначающее неоднократность, «подавляет» или «зачеркивает» значение однократности, присущее глагольной форме» (Храковский 1989б: 44), а «слова, которые обозначают моменты и периоды времени меньше года и которые вне контекста обычно характеризуются как обстоятельства времени или, точнее, обстоятельства даты типа *в три часа, утром, вечером, осенью*, в предложениях с глаголами НСВ функционируют как обстоятельства цикличности» (Храковский 1987: 147).

Исследователи отмечают особую экспрессивность использования глаголов СВ в итеративном контексте (Князев 1989: 140). А. В. Бондарко отмечает, что таким образом создается «фикция конкретности», когда имеет место «выражение повторяемости всей ситуации в целом при сохранении образной конкретности каждого отдельного действия» (Бондарко 1971: 219).

Заметим, что в истории русского языка стратегия кодирования итеративности менялась: в древнерусском дублирование обстоятельственного и глагольного маркеров итеративности не было столь распространенным и обязательным, как в современном русском языке. Ср. показательный пример (4). Похожая картина сохраняется в нескольких современных славянских языках: «...такое употребление СВ широко распространено и стилистически нейтрально в чешском, словацком, лужицком и словенском языках» (Князев 1989: 141), см. также (Бондарко 1971: 216–217).

- (4) *и се бо и азъ грѣшныи много и часто бѣ прогнѣваю и часто согрѣшаю по вса дѣи* [Суздальская летопись]

Помимо комбинации итеративного обстоятельства и итеративной формы глагола, к синтаксическим средствам выражения повторяющихся ситуаций в русском языке относятся предложения с деепричастными оборотами и сложные (в частности, сложноподчиненные) предложения (Храковский 1987: 131).

В частности, для сложноподчиненных предложений с придаточными времени, на которых мы подробно остановимся в этой статье, типично выражение итеративности с помощью модели, в которой используются глаголы НСВ в обеих – главной и зависимой – клаузах, ср.:

- (5) *Когда мы здороваемся, то пожимаем друг другу руки.* [Олег Оленьча. Язык жестов //Трамвай, 1990]

При этом в зависимой части – то есть в придаточном времени – допускается использование глагола СВ¹. А. В. Бондарко подчеркивал, что препозиция зависимой части по отношению к главной в таких случаях усиливает значение предшествования, как в (6), а постпозиция, напротив, его ослабляет, как в (7):

- (6) *Когда вот я про этих Веревкиных **вспомню**, чудно мне **делается*** (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы), пример из (Бондарко 1971: 198–199).
- (7) *Но зато особенное, незабвенное чувство **испытывает** охотник, когда после долгих часов езды по пустынным зимним дорогам в лесной редкой опушке **мелькнут** знакомые тени* (Соколов-Микитов. По охотничьим тропам), пример из (Бондарко 1971: 201).

3. Казахский язык: глагольные показатели итеративности

В тюркских языках, в частности в казахском, для обозначения повторяющихся ситуаций имеется целая система разноуровневых средств (Исхакова и др. 1989; Жолшаева 2016), и в предложении итеративность так же, как в русском языке, выражается чаще всего комплексно. Однако при этом способы и средства выражения итеративности принципиально отличаются от рассмотренных только что способов и средств, характерных для русского языка.

Дело в том, что в казахском ведущую роль в выражении итеративности играет глагол. Причем в отличие от русского языка казахскому языку чужды контексты, похожие на пример (2), когда итеративность выражается лишь обстоятельственным показателем без участия глагола. Ср. невозможность употребления собственно прошедшего времени в итеративном контексте:

- (8) **Ол дос-тар-ы-мен **жиі** кездес-ті.*
он друг-PL-3.POSS-COM часто встречаться-PST(3)
'Он с друзьями часто встречался'.

Наоборот, распространены контексты без соответствующих обстоятельственных показателей, в которых итеративность выражается только глагольной формой. См. ниже примеры (11–12). К специальным глагольным средствам, выражающим повторяющееся действие в казахском языке, относятся по крайней мере следующие три:

1) переходное настоящее (будущее) время², образуемое с помощью аффиксов *-а-*, *-й-*, *-е-*:

- (9) *Ол дос-тар-ы-мен **жиі** кездес-е-ді.*
он друг-PL-3.POSS-COM часто встречаться-PRS-3
'Он с друзьями часто встречается'.

2) повторяющееся (часто по аналогии с первой формой также называется переходным) прошедшее время³, имеющее две разновидности: аффиксальную – с аффиксами *-атын-/-етін-* и *-йтын-/-йтін-* и аналитическую, в которой первый компонент оканчивается на *-ушы/-уші*, а вторым компонентом является вспомогательный глагол *еді* (Жолшаева 2016: 141–144):

- (10) *Аға-сы-нан **әдетте** кеңес сұра-п ал-атын.*
старший.брат-3.POSS-ABL обычно совет спрашивать-CVB брать-PST.HAB(3)
'Он обычно советовался со старшим братом'.

- (11) *Балалық шақ-та ауыл-дың жігіт-тер-і-мен **жиі** осында кел-уші ед-ік.* (travel.bugin.kz/2575-zhumbaq-aqmeshit)
детство время-LOC село-GEN парень-PL-3.POSS-COM часто сюда приходить-PST.HAB AUX-1PL
'В детстве мы часто приходили сюда с сельскими парнями'.

3) аналитические бивербальные конструкции, состоящие либо из деепричастий на *-п* и вспомогательных глаголов *тұру* ('стоять'), *жүру* ('ходить'), *отыру* ('сидеть'), *жату*

¹ Гораздо реже СВ употребляется и в главной части сложноподчиненного предложения, при условии, что контекст поддерживает соответствующее значение: *...неприятное чувство **шевелнется** каждый раз, когда **взглянешь** из избы Молодой и Серого...* (И. Бунин), пример взят из (Акимов, Козинцева 1987: 289).

² Разграничение значений настоящего / будущего времени происходит в контексте, причем немаловажную роль в этом разграничении играют обстоятельства (Жанпейісов 2002: 519).

³ Кроме итеративного значения, эта форма способна обозначать длительное или постоянное (привычное) действие в прошлом.

(‘лежать’), либо из деепричастий на *-а / -е / -й* и вспомогательного глагола *беру* (‘давать’) и др., см. перечисление и описание таких конструкций в (Ахметжанова 2005: 154–156; Гращенков 2015: 63–64; Жолшаева 2016: 146–147; Казахский язык) и др., например:

- (12) *Көршілес Ресей-дің Саратов облысы-ында-ғы жарыс-қа бала-лар-ым-ды **апар-ы-п жүр-ді-м.*** (Егемен Қазақстан 2013)
соседний Россия-GEN Саратов область-3.POSS-LOC-ADJ соревнование-DAT ребенок-PL-1.POSS-ACC отводить-ST-CVB ходить-PST-1.SG
‘Я в Саратовскую область соседней России на соревнования своих детей возил’.

Если говорить о сложноподчиненных предложениях с придаточными времени, тоже способных обозначать повторяющиеся ситуации, то в казахском языке в отношении итеративности часто маркируются обе части – и главная, и зависимая. В этом случае в конце зависимой части стоит послелог *сайын* (‘каждый раз’), а главная содержит какой-то из только что перечисленных маркеров итеративности – специализированную глагольную форму или конструкцию:

- (13) *Мен Алматы-ға кел-ген **сайын**, Медеу-ге бар-атын-мын.*
я Алматы-DAT прибывать-PTCP каждый раз Медео-DAT отправляться-PST.HAB-1.SG
‘Я каждый раз, когда в Алматы приезжал, на Медео ездил’.

Впрочем, по итеративности может маркироваться и только вторая (она же главная) часть сложного предложения, а придаточная часть оформляется с помощью причастия, не выражающего специально итеративность, ср. возможность сочетания обстоятельства, вне контекста не имеющего значения итеративности, и глагола, выражающего его в обязательном порядке. Например:

- (14) *Жомартбек менің наград-тар-ым-ды әсіресе асхана-ға бар-ған-да тағ-ы-п **ал-атын.*** (Махаббат қызық мол жылдар Ғабит Мүсірепов 1970)
жомартбек мой награда-PL-1.POSS-ACC особенно столовая-DAT отправляться-PTCP-LOC надевать-ST-CVB брать-PST.HAB(3)
‘Жомартбек мои награды, особенно когда ходил в столовую, надевал’.

4. Русская речь казахских билингвов: наречные показатели итеративности

В этом и следующем разделе мы обратим внимание на несколько фрагментов в текстах казахско-русских билингвов, представленных в RLC, где глагол СВ, сочетаясь с итеративным обстоятельством, нарушает правила русского языка. В принципе эти случаи должны быть нечасты: как мы уже говорили, в русском языке имеется существенная вариативность НСВ и СВ в такого рода контекстах. Все же для обозначения повторяющихся действий с помощью глаголов СВ имеются некоторые ограничения.

Главное правило, которое регулирует сочетаемость обстоятельственных показателей итеративности с глаголами СВ в русском языке, следующее: итеративные наречия *редко / иногда / всегда* могут сочетаться с формой будущего времени СВ, но не прошедшего (Богданов, Евтюхин, Князев и др. 2009: 347–348), как в (15–17):

- (15) *Очень часто идеи живут дольше людей и у каждой научной гипотезы **всегда найдутся** свои сторонники и противники.* [В.В. Ахияров. Гравитация в Солнечной системе // Геоинформатика, 2002]
(16) ***Иногда сделаешь** что-нибудь эдакое, ненужное, а зачем сделал, почему — непонятно.* [Григорий Горин. Брюки товарища Синицына (1974–1984)]
(17) *Вас **редко увидишь** на презентациях и светских раутах.* [Александр Федоров. Лошадник (2002) // «Автопилот», 2002.02.15]

Действительно, в примерах (18–19), взятых из казахского подкорпуса, где диагностирована «ошибка», как раз наблюдается отклонение от этого правила:

- (18) *Она нас **всегда заставила** работать, убираться в доме, во дворе, мыть посуду и др.*
(19) *Так же Бабушка Чокана Валиханова – Айганым тоже **всегда направила** на правильный путь Чокана.*

Семантически к группе итеративных наречий примыкает наречие *часто*, так что ожидается, что оно тоже во всех своих употреблениях подпадет под общее правило: пара

наречий *не часто / нередко* в контекстах *встретишь / увидишь / услышишь...* ведет себя вполне симметрично. Ср. пример (20) с глаголом в СВ в будущем времени, где *часто* еще и выступает как синоним *всегда*:

(20) *Не всегда, не часто встретишь такое лицо.* [М.А. Булгаков. Полотенце с петухом (1926)]

На самом деле *часто* имеет свойства, которые отличают его от остальной группы наречий-итеративов: в отличие от них оно способно иметь и широкую, и узкую сферы действия (Богуславский 1996; Филипенко 1998), то есть умножает не только ситуацию в целом (широкая сфера), но и отдельные фрагменты внутри нее (узкая). Так, в (21) речь идет не о том, что часто случалось, чтобы старик начинал моргать (широкая сфера действия *часто*), а о том, что когда он заморгал, движений век в единицу времени было больше, чем можно было ожидать, то есть что внутри единичной ситуации 'заморгать' все происходило быстро и без перерывов.

(21) *Старик смотрел долго и внимательно, будто не доверяя глазам, потом остановился на полувдохе и часто заморгал.* [Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013]

Это обстоятельство объясняет странное на первый взгляд сочетание СВ с прошедшим временем в контексте *часто*: в силу смены сферы действия глагольное значение множественности ситуации фактически исчезает. Та же коллизия в контексте *часто* возникает и с другими мультипликативными предикатами, которые сами по себе обозначают последовательность единичных действий: *замахать, застучать, закивать* и проч.

Предложение (22) из RLC оказывается грамматически некорректным, хотя не нарушает общего правила допустимости СВ в непрошедшем времени глагола:

(22) *Мы с семьей вечером часто погуляем по горам.*

Формально, с точки зрения логики, оно непротиворечиво: теоретически, ограниченный во времени промежуток, заполненный семейным гулянием, может воспроизводиться регулярно. Однако с точки зрения русской грамматики такое невозможно: два таких «сильных», «рематических» смысла, как делимитативность и итеративность, не могут сочетаться в одном предложении.

5. Русская речь казахских билингов: сложные итеративные конструкции

Выражение итеративности в речи казахско-русских билингов также отклоняется от нормативного в предложениях с деепричастными оборотами и сложноподчиненных предложениях с придаточными времени. Эти два случая связаны.

Во-первых, придаточное времени и деепричастный оборот являются «регулярными типами сентенциальных обстоятельств» (Пекелис 2014), семантически часто тождественными лексическим обстоятельством показателям.

Во-вторых, и в том, и в другом типе таких кратных конструкций можно усматривать комплексное выражение итеративности, поскольку в обеих их частях обычно используется глагол НСВ. Наблюдения над речью билингов показывают, что отклонения от нормы в этих случаях симметричны.

Начнем с примеров итеративной семантики из казахского подкорпуса RLC, где замечено неканоническое употребление деепричастных оборотов:

(23) *Я сяду автобус слушая музыку.*

(24) *Я тогда ничего не поняла, думала «она наверное каждый день **играв** с нами устала.*

(25) *Так мы сидим по вечерам **попив** чайку.*

(26) ***Написав** стихи вы развиваете себя, духовно, умственно.*

Эти примеры показывают, что свои могут быть связаны как с основным предикатом (23–24), так и с формой деепричастия (24–26). В обоих случаях выбрана форма СВ вместо НСВ, – однако, как мы предполагаем, по разным причинам.

О причинах «нестандартного» выбора глагола мы поговорим в заключительной части статьи. Что же касается выбора деепричастий, то он, вероятно, является проявлением

особого рода трансфера. В казахском языке, как мы помним, итеративность может выражаться аналитическими конструкциями, включающими в свой состав деепричастия на *-п*. При этом вне итеративного контекста они могут выражать завершенность действия¹. Косвенное влияние родного языка может объяснить то предпочтение деепричастия СВ, которое обнаруживают тексты казахско-русских билингвов. Ср. (25) и (27):

(27) *Біз осылай кеш сайын шай іш-і-п отыр-а-мыз.*

мы так вечер каждый раз чай пить-ST-CVB сидеть-PRS-1.PL

‘Мы так каждый вечер пьем чай’.

Обратимся теперь к сложноподчиненным предложениям с семантикой итеративности. В первую очередь бросается в глаза нестандартный порядок слов: в текстах казахско-русских билингвов временная придаточная часть сложноподчиненного предложения, в отличие от стандартного русского, как правило, находится в препозиции к главной, – это можно отнести за счет прямого влияния родного языка (Турсунов 1967: 244).

Другая – и как кажется, связанная с ней особенность – состоит в том, что при допустимой в русском языке возможности однократного использования глагола в НСВ – только в главной части сложного предложения:

(28) *Вы знаете / его это конечно коробит / но он почему то это / когда выпьет / забывает.* [Телепередача о беспризорных детях // Из коллекции НКРЯ, 2005]

авторы-билингвы, напротив, используют глаголы НСВ в зависимой клаузе, стоящей в начале высказывания, а во второй, главной, части «переключаются» на СВ. Ср. характерные примеры:

(29) *Когда из нашей семьи кто-то выходит замуж, то бабушка возьмет на себя эти обязанности.*

(30) *И когда болеешь они заменяют маму, и начинают заботятся о тебе.*

(31) <Оно (имя) мне никогда не нравилось> и когда знакомлюсь с людьми скажу просто «Сымбат».

(32) *А когда выходишь на улицу, то увидишь красивую картинку на небе.*

Эта модель построения сложноподчиненных предложений с придаточными времени очень распространена: в текстах RLC нашлось 14 таких примеров.

В целом (если не считать примеры с деепричастиями СВ, которые мы трактуем как трансфер), казахско-русские билингвы выражают итеративность однократно – с помощью первого, обстоятельственного, компонента. Между тем это противоречит как модели казахского, так и русского, на котором они строят тексты: в обоих языках итеративность, как правило, выражается дважды – и с помощью обстоятельства, и в глаголе. Однако различие принципов маркирования итеративности в этих языках настолько существенно, что оно вызывает регулярные отклонения в выборе глагольных форм в русской речи билингвов. Эти отклонения проявляются в виде значительных колебаний в выборе глаголов НСВ и СВ.

Заметим, что система русского языка ограничено допускает появление глаголов СВ в итеративном контексте. Однако такое использование глаголов СВ регулируется своими правилами, предполагающими учет различных семантических и формальных факторов. При этом эти правила отнюдь не очевидны, даже в речи носителей русского языка они соблюдаются скорее интуитивно, чем осознанно, а для «нестандартных говорящих» они представляют особые трудности.

6. В чем преимущество выбора СВ?

Появление в итеративных контекстах глаголов СВ вместо ожидаемого НСВ, на наш взгляд, может объясняться несколькими причинами. При этом следует учитывать и влияние родного языка, и сложное устройство категории глагольного вида в русском языке.

¹ Это позволяет *n*-формам выражать предшествование обозначаемого действия по отношению к действию основного предиката, а также оформлять цепь последовательно совершенных действий (Гращенков 2015: 20–22; Муравьев 2017: 38–39).

Прежде всего разграничение форм настоящего времени (НСВ) и простого будущего времени (СВ) глаголов русского языка для билингвов затрудняется уже тем, что в казахском языке есть форма (переходное настоящее время), временное значение которой – настоящее или будущее – конкретизируется только в контексте. Можно предполагать, что введение итеративных обстоятельств носители доминантного казахского могут оценивать как вполне достаточное для выражения итеративности.

Помимо этого, сама сложность усвоения глагольного вида создает серьезные препятствия при выборе и использовании глагольных форм. Очевидно, что с трудностями подобного рода сталкивается не только «наша» категория «нестандартных говорящих»¹.

Как мы предполагаем, выбор глагола СВ вместо НСВ может осуществляться по нескольким причинам, как структурным, так и семантическим. Кроме случаев супплетивизма (*брать – взять, говорить – сказать* и др.), ср. примеры (29, 31), билингв может сталкиваться, как минимум, с тремя возможными ситуациями конкуренции НСВ и СВ.

• Первичный перфектив vs. суффиксальный имперфектив

Выбор первичного перфектива объясняется его структурной «простотой» и отсутствием в нем морфонологических чередований, которые, напротив, сопровождают образование имперфектива:

(18) Она нас всегда **заставила** (= заставляла) *работать, убираться в доме, во дворе, мыть посуду и др.*

(33) Когда мы ходили в дом бабушки по линии матери, она нас ревновала и **обиделась** (= обижалась) на нас.

(34) То есть не она, а мы заставляем её **перекрасить** (= перекрашивать) волосы.

(35) В этот день с 00 часов до конца дня все мои близкие будут меня **поздравить** (= поздравлять), желают добрых пожеланий.

• Первичный имперфектив vs. приставочный перфектив

Использование приставочных перфективов служит задаче совместить итеративность с другими значениями (смягчительностью, длительностью / недлительностью, результативностью и др.):

(22) Мы с семьей вечером часто **погуляем** (= гуляем) по горам.

(36) Я сажусь обедать и с мамой **поболтаю** (= болтаю).

(37) Она меня всегда баловала, **приласкала** (= ласкала и умела играть вместе с нами).

• Приставочный перфектив vs. вторичный имперфектив

По сравнению со вторичными имперфективами, главная функция которых как раз состоит в выражении итеративности (Петрухина 1990; Кронгауз 1997: 153), выбираемые билингвами приставочные перфективы более просты по структуре, что для нестандартного говорящего может играть решающую роль:

(38) ...и с этого дня я упорно трудилась, чтобы получить «пятерку»: каждую тему по литературе **выучила** (= выучивала) и готовилась к тестовым заданиям по русскому языку.

(39) Когда она **заболеет** (= заболеваает) мы все волнуемся за ее здоровье.

7. Заключение

Как видим, при обозначении повторяющихся ситуаций в речи казахско-русских билингвов обнаруживаются некоторые характерные особенности. При том что они со всей очевидностью отклоняются от стандартных средств и способов выражения итеративности в русском языке, они не хаотичны, им присуща определенная системность.

В случаях, связанных с использованием деепричастных оборотов, можно усматривать трансфер этих форм из родного языка, в котором распространены разнообразные бивербальные конструкции, а использование деепричастий СВ семантически соотносится с казахскими деепричастиями на *-н*, входящими в эти конструкции.

Однако гораздо более интересными в текстах казахско-русских билингвов оказываются примеры, где обнаруживается однократное выражение итеративности с помощью

¹ Показательно, что в (Daniel et al. 2010: 80–81) представлены примеры из русской речи жителей Дагестана, где глаголы СВ также введены в хабитуальные и итеративные контексты.

обстоятельственного показателя (лексического или сентенциального). Эти отклонения не могут быть объяснены влиянием родного языка, поскольку в казахском языке значение итеративности также предполагает комплексное выражение, во всяком случае при обязательном участии глагола. Они демонстрируют отклонения не только от нормативного в русском языке дублирования маркеров итеративности, но и от допустимого использования глаголов СВ в итеративных контекстах. В этом смысле тексты билингов – это своего рода экспериментальная площадка, на которой выявляются границы вариативности некоторых участков системы русского языка.

Сбой в пользу СВ возникает в основной клаузе итеративного предложения, когда, в силу фиксированного порядка слов, итеративность как таковая уже маркирована в придаточном. Представляется, что в этом случае выбор в пользу форм СВ в главном возникает по внешним по отношению к категории итеративности причинам, связанным с особенностями самих форм русского СВ: в одних случаях СВ обладает большей морфонологической или морфемной «простотой» по сравнению с глаголами НСВ, в других – добавление приставок дает возможность совместить итеративность с другими значениями, соответствующими замыслу говорящего.

Условные обозначения

НСВ – несовершенный вид, СВ – совершенный вид, 1 – 1-ое лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ABL – исходный падеж, ADJ – имя прилагательное, AUX – вспомогательный глагол, COM – совместный падеж, CVB – деепричастие, DAT – дательно-направительный падеж, GEN – родительный падеж, LOC – местный падеж, PL – множественное число, POSS – притяжательность, PRS – настоящее время (в нашем случае – настоящее переходное), PST – прошедшее время, PST.NAB – повторяющееся (переходное) прошедшее время, PTCP – причастие, SG – единственное число, ST – показатель глагольной основы.

Литература

- Акимова, Т.Г.; Козинцева, Н.А. (1987) Аспектуально-таксисные ситуации, нелокализованные во времени (кратный таксис). В: Бондарко, А.В. (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград: Наука, 288–294.
- Ахметжанова, З.К. (2005) Функционально-семантические поля русского и казахского языков. В: Ахметжанова, З.К. (ред.) *Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки*. Алматы, 121–188.
- Богданов, С.И.; Евтюхин, В.Б.; Князев, Ю.П. и др. (2009) *Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений РФ*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Богуславский, И.М. (1996) *Сфера действия лексических единиц*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Бондарко, А.В. (1971) *Вид и время русского глагола (значение и употребление)*. Москва: Просвещение.
- Гращенко, П.В. (2015) *Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация*. Москва: Языки славянской культуры.
- Исхакова, Х.Ф.; Насилов, Д.М.; Рассадин, В.И. (1989) Выражение множественности ситуаций в тюркских языках. В: Храковский, В.С. (отв. ред.) *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: Наука, 110–122.
- Князев, Ю.П. (1989) Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках. В: Храковский, В.С. (отв. ред.) *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: Наука, 132–144.
- Кронгауз, М.А. (1997) Глагольная приставка, или координата времени. В: Аругтюнова, Н.Д.; Янко, Т.Е. (ред.) *Логический анализ языка. Язык и время*. Москва: Индрик, 152–157.
- Муравьев, Н.А. (2017) *Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология*. Канд. дис. Москва.
- Пекелис, О.Е. (2014) *Сентенциальные обстоятельства*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва.
- Петрухина, Е.В. (1990) К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке. *Русский язык за рубежом* 4, 82–87.
- Рахилина, Е.В.; Казкенова, А.К. (2018) Заметки о русском числе. *Вестник РУДН. Сер. Лингвистика*, 22(3), 605–627.
- Турсунов, Д. (ред.) (1967) *Сопоставительная грамматика русского и казахского языков* (учебник для студентов филологических факультетов вузов). Алма-Ата: Мектеп.
- Филипенко, М.В. (1998) Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката). *Семиотика и информатика*. 36. Москва: Языки русской культуры, 120–140.

- Храковский, В.С. (1987) Кратность В: Бондарко, А.В. (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность*. Таксис. Ленинград: Наука, 124–152.
- Храковский, В.С. (отв. ред.) (1989а) *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: Наука.
- Храковский, В.С. (1989б) Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. В: Храковский, В.С. (отв. ред.) *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: Наука, 5–53.
- Шелякин, М.А. (2001) *Функциональная грамматика русского языка*. Москва: Русский язык.
- Шлуинский, А.Б. (2005) *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Канд. дис. Москва.
- Daniel, M.; Dobrushina, N.; Knyazev, S. (2010) Highlanders' Russian: Case study in bilingualism and language interference in Central Daghestan. In: Mustajoki, A.; Protassova, E.; Vakhtin, N. (eds.) *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: University of Helsinki, 65–93.
- Жанпейісов, Е. (2002) *Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис*. Астана: Астана полиграфия.
- Жолшаева, М. (2016) Аспектуальдылық функционалды-семантикалық өрісі. В: Құлманов, С. (ред.) *Жұмсалымды грамматика*. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты, 109–161.

Электронные ресурсы

- Almaty Corpus of the Kazakh Language. web-corpora.net/KazakhCorpus
- Казахский язык. Просто о сложном (kaz-tili.kz/index.htm)
- Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru)
- Русский учебный корпус (web-corpora.net/RLC)